БУДЕМ ЖИТЬ И БОРОТЬСЯ, КАК ОН!

КЛЯТВА

А. Безыменский

И будет нам та ненависть святая
Священнее любви святой.

Георг Гервег.

Дай руку, сын!
Она не знала брони,
Курка винтовки
И штыка бойца.
Дай руку, сын!
На крепнущей ладони
Возьми и взвесь
простой кусок свинца.
Да, он тяжел...
Его ковали,
воя,
Кипя и злясь,
кривляясь и дрожа,
Века убийств,
распутства и разбоя,
Века насилья,
лжи и грабежа.
Да, страшен он...
Тебе легко и просто
Увидеть в нем
И грязь,
и кровь,
и гной.
И гниль и смрад,
и мерзость, и уродство
Всего того,
что сметено страной.
Да, скользок он...
Сквозь наши дни и ночи
Его несли,
в грязи, змеей ползя,
Чтоб то отнять,
чего отнять нет мочи,
Чтоб то убить,
чего убить нельзя.
Да, он в крови.
Стекают капли крови,
Как теплый дождь,
на крепкую ладонь...
Мой сын,
мой сын!
В твоих делах и слове
Да будет жить
ее живой огонь!
И если где
врага забудут люди,
Иль станут биться
медленней
сердца,
Ты прегради
им путь
широкой грудью
И подыми
простой кусок свинца.
Живая кровь
вождя бессмертной славы
Проснется в нем
грозою огневой
И вспыхнет он,
как факел величавый,
Сердца будя
и всех ведя на бой.
Пусть грянет бой!
Он будет лют и страшен
И здесь
и там,
на дальнем берегу...
. . . . . .
Гигантской мерой
ненависти нашей
Мы воздадим
безумному врагу.

МУЖЕСТВО

Ал. ПРОКОФЬЕВ

Мир живет такими именами,
Гордая печаль страною вей,
Партия утратила стальная
Лучшего из лучших сыновей.
Страшная утрата за плечами,
И сердца у всех в цепях оков.
В мире нету тягостней печали,
Чем печаль страны большевиков.
По неписанным законам,
Не скрываясь в тягостную тьму,
Перейдет навеки миллионам
Мужество, присущее ему.
Мужество, прошедшее не в крике,
Мировое мужество идей.
Мужество таких, как он, великих,
Ведших революцию людей.

КИРОВ

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

Как нам горько глядеть и больно
На очерченный черным портрет.
Как поверить,
Что выстрел в Смольном
И что Кирова
Больше нет?
Нет!
Веселым, простым, закаленным
Виден Киров тебе и мне.
Он идет в гимнастерке зеленой
По „Путиловцу",
По Фергане,
Вдоль заводов,
Садов,
Каналов,
Как прораб Великих Работ,
Вот таким страна его знает,
И таким он сейчас живет.

Охранять жизнь вождей, как знамя на поле битвы

(Из письма героев Советского Союза в „Правду")

Немыслимо представить, что нет больше среди нас Кирова. Ленинград без Кирова! Эта чудовищная мысль не укладывается в сознании. Ушел большой, замечательный человек, ушел один из лучших учеников великого Сталина, любимый вождь и и друг ленинградских рабочих.

Город Ленина осиротел. Сейчас, когда мы сидим всё вместе, потрясенные несчастьем, перед нами встает облик живого Кирова,—такой, каким мы все знали и любили его.

Вспоминаются октябрьские торжества в Ленинграде. На трибуне—коренастая, пышущая жизнью и огнем фигура Кирова. С какой радостью и любовью поворачиваются к нему лица демонстрантов! Тысячи голосов приветствуют его. Перегибаясь через трибуну, Киров всматривается в проходящие мимо ряды, окликает по имени лучших ударников ленинградских заводов и фабрик.

Мы невольно переглядывались:
— Как тесно связан этот замечательный человек с миллионами людей! Как удивительно умеет он сочетать в себе большого государственного деятеля и простого, доступного, близкого всем трудящимся товарища и друга!

Перед нами вырисовываются очертания гиганского стадиона в Ленинградском парке культуры и отдыха. Стадион шумит, как колоссальный улей. Группы зрителей горячо обсуждают отдельные моменты состязаний. Но в одном месте среди публики—особенное оживление. К какой-то неприметной, на первый взгяд, скамье протискиваются юноши и девушки в майках, рабочие, красноармейцы. На скамье — Киров. Он жмет протянутые к нему руки, отвечает на вопросы, делится своими впечатлениями.

Близкий массам вне рабочей обстановки, Киров остается таким и в своем кабинете секретаря Центрального Комитета и Ленинградского городского и областного комитетов партии. Каждому, кто к нему приходил по делу, казалось, что это—скромный рядовой член партии, рядовой большевик. Но за каждым его словом ощущается огромный, непоколебимый авторитет, железная воля, необыкновенная ясность ума и мысли.

Челюскинцы это особенно хорошо почувствовали. Для того, чтобы подготовить экспедицию „Челюскина", нужно было 5—6 месяцев упорного труда. И когда Копусов, один из организаторов экспедиции, пришел к Кирову и рассказал ему о затруднениях, помощь пришла мгновенно. Киров тут же набросал четкий план действий, немедленно связался с нужными людьми, и экспедиция была блестяще организована в течение двух месяцев.

Впечатление о Кирове, как о простом и чутком человеке, который глубоко внимателен к нуждам трудящихся, подтверждалось на каждом шагу. Он неизменно тепло и внимательно принимал и выслушивал каждого рабочего. Рабочие знали: к Кирову им можно пройти всегда, в любое время. И они чувствовали это не только в личном общении с Кировым. Его твердая, заботливая рука ощущалась в каждом рабочем квартале города.

За то время, когда Киров был секретарем Ленинградского областного комитета партии, Ленинград неузнаваемо вырос и преобразился. Пожалуй, никто не может видеть этого лучше, чем летчик. С высоты мы отчетливо видели, как раздвинулся и вырос город Ленина, какими благоустроенными стали его рабочие окраины, где появились новые, прекрасные дома, улицы, сады, скверы.

Нет больше Кирова. Нет человека, который крепкой рукой большевика претворял в жизнь волю партии, указания Сталина. Подлая, предательская рука классового врага оборвала эту прекрасную жизнь. Это неслыханное злодеяние совершено в том самом городе, которому Киров отдал столько любви и заботы, в городе, который был и является цитаделью и оплотом революции.

Перед лицом этой тяжелой потери вся партия, весь рабочий класс должны крепче сомкнуть свои ряды вокруг своих вождей. Еще не добит классовый враг.

Мы будем охранять жизнь наших вождей, как знамя на поле битвы. Их жизнь принадлежит не только им, она принадлежит всей стране, рабочему классу Советского Союза и всего мира.

Карающая рука пролетарского правосудия размозжит голову гадине, отнявшей у нас одного из лучших людей нашей великой эпохи.

Герои Советского Союза:
А. ЛЯПИДЕВСКИЙ.
Н. КАМАНИН.
М. СЛЕПНЕВ
М. ВОДОПЬЯНОВ.
И. ДОРОНИН.

БАЛТИЙСКИЕ МОРЯКИ КЛЯНУТСЯ

КРОНШТАДТ. Ночью в машинной школе ударили боевую тревогу.

Тревога шла от флота к флоту, от корабля к кораблю. Она облетала кубрики, экипажи, палубы, мастерские, заводы.

И когда над головами моряков, высоко над побледневшими лицами, через жилые палубы проплыл вперед, на почетное место знакомый портрет и когда тысячи глаз увидели, что портрет облачен в красный шелк и черный креп.

— Значит, правда!—сказали моряки.— Значит, это все-таки правда... От руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса...

Тогда вышел вперед коренастый боцман:

— Товарищи!—неожиданно сорвавшимся голосом выкрикнул он. И замолчал. Молча стояли моряки и командиры. Только слышно было, как вахтенный шагал по стальной палубе да тяжело и ритмично дышала машина в бронированных недрах боевого корабля.

— Куда же нам девать нашу ярость?—скорбно крикнул боцман.

И окликнулись форты, корабли, экипажи.

— Мы заверяем партию и нашего вождя товарища Сталина, что гибель Сергея Мироновича нашей воли к победе не сломит. Мы с удвоенной энергией будем работать над укреплением морских границ нашей социалистической родины и готовы по зову партии в любую минуту весь наш гнев и ярость обрушить на головы классовых врагов...—так сказали моряки.

В 5 часов вечера вышел с кронштадтского рейда пароход. 360 лучших пролетариев Кронштадта повезли к гробу любимого Мироныча боевые знамена и последний привет от трудящихся пролетарской крепости.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

(Из документов к биографии тов. С. М. Кирова)

Осенью 1904 года тов. Киров приехал в Томск, намереваясь поступить в Технологический институт. Здесь он установил связь с местной организацией РСДРП, примыкает к большевистскому крылу и очень скоро оказался в самом центре партийной работы.

Томск—значительная веха в жизни тов. Кирова: будущий профессиональный революционер именно здесь, как он сам говорил, получил „боевое крещение".

18 января 1905 года Сергей Миронович принимает руководящее участие в организации и проведении вооруженной демонстрации в ответ на события в Питере 9 января.

На этой демонстрации был убит личный друг тов. Кирова—рабочий-печатник Иосиф Кононов, вместе с ним несший революционное знамя демонстрантов. Охранники его выследили, и 2 февраля тов. Киров был арестован на нелегальной сходке.

На сходке, как это видно из сохранившихся в архиве революции документов жандармских отделений

„...читались противоправительственные прокламации и революционная газета „Искра", произносились речи противоправительственного характера, об'яснялась и трактовалась Французская революция, указывалось на то, что нельзя достигнуть никаких политических прав народа, пока в России существует самодержавный образ правления".

Во время обыска, последовавшего после ареста, на квартире у тов. Кирова были найдены прокламации: „Издание Томского комитета РСДРП", „Ко всем рабочим", „Новая ложь царизма", „О Государственной думе" и др.

Перепуганные жандармы доносят об этой сходке:

„На сходке 2 февраля арестовано 47 человек разных профессий, обсуждавших вопрос об устройстве новой вооруженной демонстрации".

Жандармы чувствовали, что в Томске они имеют дело с крепкой партийной организацией, и управляющий Томской губерней Бирюков просит министра внутренних дел „продлить арест задержанных", потому что

„...многие из арестованных сильно скомпрометированы в политическом отношении, что некоторые из них являются даже представителями преступных организаций (так царский сатрап называл революционные организации) и что в случае скорого освобождения они несомненно организуют на 19 февраля демонстрацию".

Министр, конечно, охотно разрешил продлить арест.

О том, как вел себя при первом аресте тов. Киров, лучше всего говорит полицейский документ, находящийся в деле № 3077 департамента полиции.

„Костриков, Сергей Миронович (Костриков — партийная кличка тов. Кирова), от показаний по настоящему делу отказался. При обыске в общей квартире его с Никоновым найдено много нелегальной литературы, принадлежащей Кострикову. Имеется указание на то, что Костриков занимается распространением нелегальной литературы. Во время содержания под стражей вел себя весьма дурно, не подчиняясь требованиям тюремного начальства".

И как „нетерпимого в университетском городе по своему противоправительственному направлению и деятельности" полиция решает выслать тов. Кирова из Томска. Несмотря на это, тов. Киров продолжает нелегально вести революционную работу в Томске.

В октябрьские дни, во время поджога черной сотней и полицией железнодорожного управления и театра, тов. Киров с группой боевиков-партийцев (Ведерников и др.) прорвался через кольцо войск и черносотенцев, окружавших горящие здания, в которых погибло около 300 человек. Партийный комитет поручает ему одно из самых ответственных дел—руководить нелегальной партийной типографией.

В начале 1906 года тов. Кирову было поручено срочно достать хорошую типографскую машину и организовать подпольную типографию. Но его снова выслеживает охранка, и 19 июля 1906 года тов. Киров задерживается в г. Томске, в доме № 17, по Аполинарьевской улице, где была организована подпольная типография. Арестовав тов. Кирова и других революционеров, полиция, однако, не сумела обнаружить типографию, что случилось три года спустя.

Типография была сделана чрезвычайно искусно:

Вот что говорится в полицейском донесении:

„Под всем домом было устроено фундаментальное, секретное помещение с деревянным полом и потолком, высотою около сажени, с искусно замаскированными выходами и с электрической сигнализацией. По обыску в указанном помещении обнаружены: чугунная комнатная печь, частью сломанные столы и табуретки, типографский чугунный прокатный вал, типографские рельсы, напильник и ключ для винтов".

Арест прервал почти законченное дело. Долгие месяцы велось следствие. Хотя у охранки и не было никаких улик, она чуяла в тов. Кирове „опасного государственного преступника" и продолжала держать его в тюрьме. Наконец суд (по первому „делу") приговорил тов. Кирова к заключению в крепости „за хранение у себя, с целью распространения, сочинений заведомо для него возбуждающих к ниспровержению существующего в государстве общественного строя".

До 1909 года тов. Киров находился в тюрьме. Эти годы, почти целиком проведенные в одиночке, имели для него огромное значение: он основательно занимался изучением марксизма-ленинизма, теоретически закреплял завоеванные в революционных битвах большевистские позиции.

После отбытия заключения т. Киров уехал в Иркутск, а когда была обнаружена томская типография, ему пришлось оставить Сибирь и уехать во Владивосток.

(„Вечерняя Москва").

Сергей Миронович Киров приветствует с трибуны пролетариев Ленинграда (первомайская демонстрация 1934 г.).